

МИФ.TODAY
проект

Дж. Э. Шверс

Хрустальные звёзды

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш37

Иллюстрация на переплете *Анастасии Ивановой*

Шеверс, Дж. Э.
Ш37 Хрустальные Звёзды / Дж. Э. Шеверс. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Проект Миф.
Today).

ISBN 978-5-04-105338-3

Ноябрь, предзимье, Северная Америка. Казалось бы, что может случиться на тихой ферме? Жди себе снега да Рождества, вот и все приключения.

Но тут в размеренную жизнь семьи Шеверсов врывается стихия — и всё летит кувырком.

Лес меняет свою природу, зарастает лианами и ошеломительно пахнущими цветами. Дом открывает неожиданные секреты, до поры хранившиеся в полутьме чердака. Поблизости заводится пугающий до дрожи Белый Морок, которого не боится только Генерал Хомяк, мужественный и немногословный. Кошка Фанни, гордая и неподкупная мать-одиночка, носит своим детям тропических бабочек. Таинственный мистер Хэмиш, приходящий с сильным ветром, кто он — друг или враг?

Загадок всё больше, а ответов пока нет...

Похоже, только дети, Лиса и Макс, оказавшиеся в самом центре этой невероятной истории, смогут собрать цельную картинку из рассыпанных пазлов — потому что детское сердце умеет видеть изнанку мира и любить, преодолевая страх.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105338-3

© Дж. Э. Шеверс, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава 1

Старые рамы с дребезжанием распахнулись.

Крупный дятел, чёрным оперением и красной «шапочкой» напоминающий кардинала, выпорхнул из дупла клёна, растущего перед домом. Из окна второго этажа высунулся темноволосый вихрастый мальчишка в широком свитере с подкатанными рукавами. Он поправил съехавшие на нос очки и закричал, обращаясь к кому-то внизу:

— Лиса, под кроватью её тоже нет!

Из-под лестницы у террасы донеслось лязганье, что-то с грохотом перевернулось, после чего послышалось сдавленное чертыхание.

Девочка-подросток, пятясь, выползла из-под потемневшего от дождя настила и разочарованно пробормотала, отряхивая руки от паутины:

— И здесь нет.

Бросив быстрый взгляд на младшего брата, она скорчила трагическую гримасу и воскликнула, вздев руки к небу:

— О, вечный творец миров Тайова, летящий над бездной на шёлковых нитях паучихи Кокъянгвиити, которая неустанно сучит их из собственно-

го брюха и прядёт наше мироздание! К тебе взываю!

Мальчик округлил глаза и покрутил пальцем у виска, но небо ответило отдалённым громовым раскатом, и Лиса, кивнув сама себе, продолжила:

— О, мать Кокъянгвиити! Когда-то ты сплела паутину этого мира: и звёзды, чтобы было куда расти, и горы, чтобы стать ближе к звёздам, и леса для зверя, и реки, полные рыбы, и духов, чтобы всё это охранять. И людей, которые открыли глаза, чтобы сказать, как хорош четвёртый мир Тайовы, тоже сплела ты, паучиха Кокъянгвиити. К тебе взываю!

Единственный зритель этого артистического представления перевесился через подоконник. За сестрой он наблюдал со всё растущим любопытством.

— Не ушла ли в Священный Лес — тот, что за курятником, — наша Фанни? Ответьте нам, духи!

Девочка запрокинула голову, закрыла глаза, и на её лицо упали капли дождя.

И голос сверху ответил ей:

— Я думаю, она всё-таки на чердаке.

Лиса открыла глаза, вздохнула и разочарованно посмотрела на младшего брата, ехидно ухмыляющегося из окна:

— Вот из-за таких, как ты, Макс, древние духи и ушли в леса!

Так Лиса и Макс Шеверсы четвёртый час искали кошку.

Эта тощая трёхцветная приبلуда жила на ферме уже года полтора, но до сих пор хранила независимость и входить в семью на правах одомашненной не желала. Понятно, что независимость её была скорее условной — миску с кормом, который щедрой рукой отмеряли ей в семействе Шеверсов, она опустошала мгновенно, но никаких вам почесать за ушком или подставить пушистое брюшко — увольте, вот ещё глупости! Крыс и мышей, правда, душила исправно, и за это на её нелюдимость закрывали глаза.

Но вот она пропала, и без неё стало как-то неуютно. Понятное дело, Фанни была не единственным животным на ферме: водились здесь и куры, и кролики, ещё несколько конюшенных котов и один домашний, собака Шинук, старая коза Мэгги и даже лошади. Но дети знали, что кошка вот-вот должна была родить, и утаить такое чудесное событие, как новенькие котятки, с её стороны — как хотите, но это форменное свинство!

С самого утра Лиса и Максим прочесали все возможные кошкины схроны на конюшне и в хозяйственном сарае, потом проверили все её тайники в доме и даже на всякий случай прошерстили ближайшие кусты на границе леса, но кошки нигде не было.

Оставался тот самый чердак — место для детей строго-настрога запрещённое, о чём красноречиво говорила прочная дверь, запертая на амбарный замок. Ключ, впрочем, никто не прятал, он висел на

огромной связке с прочими, но дети не спешили нарушать запрет. Отец уже с год собирался провести там свет и сделать ремонт, но пока никак не доходили руки. А бродить по тёмному чердаку, где в углах клубятся тени, а толстые, потемневшие от времени балки, заплетённые липучей паутиной, так и норовят подставиться под твой упрямый лоб — удовольствие так себе. Лиса, во всяком случае, думала именно так. Возможно, у Макса были другие мысли на этот счёт, но его никто не спрашивал, а в одиночку отважиться на подобную вылазку он точно бы не рискнул.

С чердаком у Максима было связано очень смутное и очень страшное воспоминание. Стоило ему только посмотреть на дверь, туда ведущую, как ему казалось, что он слышит пронзительный крик Лисы и чувствует какой-то приторный запах. Несколько раз он пытался заговорить об этом с мамой, но та всегда отвечала, что Максу просто приснился дурной сон, а Лиса и вовсе замыкалась и разговаривать на эту тему отказывалась. Только однажды призналась, что сама не помнит, что случилось «в тот день».

Но если на чердаке действительно обосновалась кошка, это меняло всё. Как она могла туда попасть? Лиса думала, что её случайно впустила мама, когда относила на чердак какое-нибудь старье, а Макс почти не сомневался, что она забралась по ветке старого дуба и пролезла в щель между крышей и стеной.

Дом был старый, но крепкий и тёплый. Его строил ещё дед, много лет назад, а отец Лисы и Макса, Джон, позже вывел террасу и сделал большой ремонт. Гостиная, декорированная дубовыми панелями, казалась бы мрачноватой, если бы не большие окна, светлая мебель и картины с живописными летними пейзажами на стенах. Почти вся мебель в доме была сделана дедом либо привезена им из многочисленных путешествий, и Шеверсы только после его смерти обновили обстановку. Был в гостиной и камин, в котором холодными вечерами плясало живое пламя, и пока за окнами ведьма-зима заметала сад снежной метлой, вся семья, включая собаку и кота, собиралась у камелька. Дверь из кухни вела на просторную крытую террасу, где с началом тёплых дней появлялось кресло-качалка, предмет вечных споров Лисы и Макса. Ближе к лету на террасу переносили канареек, и если дети забывали вечером набросить на клетки тёмную ткань, утро начиналось для семьи с первыми лучами солнца. Канарейки, распевшись, будоражили своими трелями всю птичью округу, а заодно собак, кошек и беспризорных енотов. Также на террасе стояла барбекюшница, и в следующем году, с началом летнего сезона, отец пообещал Максу открыть первый секрет приготовления жареного мяса — еды для настоящих мужчин. Уютная терраса, с весны до поздней осени оплетённая с двух сторон виноградом, была любимым местом для семейных ужинов летней порой, а с началом холодов

всё семейство собиралось в гостиной, за большим дубовым столом, оставленным в память о старшем мужчине семьи.

Семье Шеверсов принадлежало около четырёрхсот акров земли. Стоили эти уголья недёшево, и одноклассники не раз спрашивали Лису, был ли её дед богатым человеком. Лиса лишь пожимала плечами. Насколько она помнила деда, он походил скорее на человека не от мира сего, чем на удачливого бизнесмена. Он знал всё о земле, о растениях, при нём яблоневые сады каждый год приносили обильный урожай, а вино покупали лучшие рестораны из соседнего города. Когда-то «Эппл Гарден» было процветающим ранчо, но чем успешнее хозяйство, тем больше риски. Семь лет назад, в конце сентября, дед, получивший в округе прозвище «Заклинатель Урожая», погиб при трагических обстоятельствах, о которых дома старались не вспоминать, и вскоре на Шеверсов свалилась ещё одна беда. Непонятная болезнь поразила виноградники по весне. Стелла Шеверс винила во всём собственную неопытность, а Джон уверял её, что виной этого несчастья стал новый завод вверх по реке. Большую часть лозы пришлось вырубить, и хотя за несколько лет благодаря стараниям Джона и неустанной заботе Стеллы виноградник прилично разросся, до прежних урожаев было ещё очень далеко. Основным источником дохода для Шеверсов, как это было при деде, он пока не стал, но Стелла не теряла надежды. С каждой весной она видела, как крепнет новая лоза,

как к осени наливаются сочные гроздья — и душа её радовалась. Правда, доходы резко упали, ферма едва себя окупала. Счета росли, и в начале этого года Джон начал всерьёз поговаривать о том, чтобы выставить ферму на продажу. Но Стелла, вопреки своему давнему желанию перебраться в город, уговорила его подождать. В новом сезоне — она была уверена в этом — виноградник даст небывалый урожай.

Между тем дети, вооружившись фонариками и пакетиком лососёвого желе, за которое обычно молчаливая Фанни выдавала хриплое «мря-я-у» ещё до того, как слышала тихий хруст надрываемой упаковки, отправились покорять чердак. Через пару часов должна была вернуться мама, а до её прихода Лиса планировала разграбить виртуальное Максимова королевство в «Битве Кланов», так что стоило поспешить.

Лиса первой взлетела по лестнице и, поторапливая неуклюжего братца, отставшего на несколько ступенек, с усилием провернула ключ в скважине замка. Ей не надо было оглядываться, чтобы почувствовать, как Макс за её спиной отступил на пару шагов назад и вжал голову в плечи.

Дверь отворилась с негромким скрипом. На пороге стояла непроницаемая тьма и пристально смотрела на Лису бездонными зрачками. «Безглазая, безголосая, сгинь!» — вспомнила Лиса свою детскую заговорку против ночных страхов и решительно щёлкнула кнопкой фонарика.

— Ух, ничё себе... — восхищённо выдохнул Макс, выглядывая из-за сестры и обозревая чердачные просторы. — Это же можно тут лабораторию сделать!

Идея, конечно, неплохая, но не дело, что братец успел это озвучить раньше её. Лиса повернулась к нему и скептически приподняла брови.

— Тут же света нет, ты что! Ты же умрёшь со страху через минуту, трусишка! Спорим, ты до сих пор боишься Того-Кто-Стоит-За-Шторой? — Лиса перешла на драматический шёпот: — Тощий, белы-ы-ый, колышется на ветру вместе с занавеской, а ещё у него длинное лицо и совсем-совсем нет гла-а-аз...

— В тебе по весу костей больше, — огрызнулся Макс. — Ты как суповой набор ему больше подходишь.

Макс действительно боялся того, который... Но не показывать же свой страх этой зловердине, которая почему-то сестрой называется! Подумаешь, всего-то на четыре года старше, так смелая уже!

Лиса подумала было, что за «суповой набор» брат должен ответить по всей строгости закона совместного проживания, но решила, что рассчитается с ним позже, и перешагнула через порог.

Кошка нашлась минуты через две. Сначала на верхней полке стеллажа, среди коробок со всяким хламом, в свете фонарика блеснули зелёным два круглых глаза, потом раздалось короткое встрево-

женное «мяу!», и под ноги к детям спрыгнула изрядно отощавшая Фанни.

«Говорил я тебе!» — Макс торжествующе дёрнул сестру за собранные в «конский хвост» светлые пряди. Лиса была похожа на отца: с рыжевато-русыми волосами, с веснушками, высокая и крепкая, как настоящий потомок викингов. Макс, напротив, больше походил на мать: её предки были откуда-то с юга Франции, и от неё сыну передались каштановые вихры и тёмные глаза в пол-лица.

— Слышь, мелкий... — Лиса покушений на свой авторитет не терпела. — Я говорить умела, когда тебе ещё памперсы пачками покупали. Много будешь возникать, интернет отключу, жалуйся потом родителям. Давай-ка лучше кошку покорми.

Наверху, в коробке, уже зашлись отчаянным криком котят. Фанни, нервно дёргая хвостом, замерла в раздумье, но голод пересилил. Да и Макс знал, чем приманить — уже разрывал пакетик, подзывая кошку.

— Так, пока ты кормишь Фанни, я смотрю котят, — деловито распорядилась Лиса, цепляясь рукой за перекладину стеллажа. — А ты потом посмотришь, не переживай.

Макс не успел возмутиться, как она добавила:

— Ты же у нас ботаник, вот и займись животным!

— Ботаника — наука о растениях, — Максим наконец-то почувствовал, что час реванша близок. — Вот об овощах я много могу рассказать — с одним так вообще живу с рождения бок о бок!

Лиса, уже добравшаяся до верхней полки металлического стеллажа, запустила в брата первой подвернувшейся под руку тряпкой.

...Крошечные пятнистые комочки, копошащиеся в картонной коробке среди тряпья и рваной бумаги, выглядели такими беззащитными, что у Лисы защемило сердце. Она осторожно взяла одного под мягкое брюшко и поднесла поближе к лицу. Котёнок тут же запищал изо всех сил, разевая беззубый ротик, и вцепился в её руку едва заметными, но царапучими коготками. Фанни, услышав его, бросила еду и мгновенно взлетела наверх. Обеспокоенно взмуркивая, она перенюхала всех оставшихся котят, спешно лизнула каждого, после чего подгрехала под пушистый живот и настороженно уставилась на Лису, которая держала пятого, самого драгоценного.

— Смотри, какой хорошенький! Такой трогательный... Носик розовый, маасенький, а хвостик какой крошечный, а лапки — ну посмотри же, прелесть, правда? — Растрогавшись, Лиса даже забыла, что младшему братцу спуску давать нельзя ни на минуту.

Макс, только что забравшийся на стеллаж, к предложению рассмотреть поближе покрытого пушком котёнка от силы трёх дней от роду отнёсся без особого энтузиазма.

— «Ноосик», «хвоостиик»! — намеренно растягивая гласные, передразнил он сестру. — Все вы, женщины, одинаковые. Только увидели младенца,

так сразу сюсюкать. Скажи лучше, как нам их отсюда вниз утащить?

Он пошарил по стеллажной полке и нащупал под слоем пыли тонкую не то тетрадь, не то книгу. Обложка была бархатной от пыли, и между страниц что-то сухо похрустывало.

Максим подтянул находку и при слабом свете фонарика с разочарованием обнаружил, что перед ним всё-таки тетрадь. Не книга. Книги он любил так же, как свои игры. Слова не были для него звуками, но долгое время оставались знаками. Говорить Макс начал поздно, а вот читать и писать выучился сам года в три, и никто из обследовавших его специалистов не мог объяснить этот феномен. «Дети интернета, — развела руками одна старая докторша. — Что ему нужно дома, он и пальцем покажет, так зачем напрягаться и говорить? А что ему нужно найти в сети — то приходится читать и писать».

Но к теперешним десяти годам Максим говорил так же хорошо, как его сверстники, а про себя думал, что и соображает куда лучше.

Между тем Лиса, подловленная братом на маленькой слабости, почти разозлилась, но не могла не признать, что вопрос Максом был поставлен резонный.

Осторожно вернув пищущего котёнка в коробку, она подняла фонарик и, подсвечивая себе подбородок снизу, проговорила зловеще:

— Чтобы забрать отсюда пятерых, одного придётся принести в жертву-у-у... И этой жертвой ста-